

Дики адьгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 8 (91)

Ценный труд об оружии Кавказа.

Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Альманах «История оружия». 2011. № 4. Запорожье, 2011. 127 с.

Продолжение.
Начало в выпуске 7 (90).

Черкесские доспехи.

Прежде, чем обратиться к наиболее важному, на наш взгляд, разделу исследования Ривкина и Пинчо, посвященному черкесскому доспеху, приведем некоторые сведения, которые хорошо дополняют строгий предметный анализ этих исследователей оружия.

Черкесия как страна, в которой на протяжении многих веков сохранялись феодальные порядки, а население отличалось высоким консерватизмом в воспроизведении социальных устоев и культурных стандартов, вплоть до первой половины XIX в. выставляла конное войско, облаченное в полный доспех.

Василий Бакунин в 1748 г. в «Описании кабардинского народа» отмечал: «А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца, да и панцыря редкой человек не имеет... Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каждой только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют». (Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т. II. С. 158).

Граф Филипп Людовик де Сегюр, посол Франции в России в 1785-1789 гг., отмечал: «Главная сила кабардинцев состоит в кавалерии. Эти воины носят искусно изготовленные кольчуги, которые покрывают некоторых с головы до ног. Иногда они носят огнестрельное оружие, но чаще пользуются луком, который они натягивают с удивительной ловкостью. Генерал Апраксин сообщил мне, что в одном тяжелейшем сражении кабардинцы нанесли больше бедствия его войску стрелами, чем ружьями: эти стрелы, пущенные издалека, вонзились в тела людей и лошадей до оперенья. От первого выстрела в 400 русских кавалеристов последние потеряли убитыми и сбитыми с лошадей 70 человек». (Сегюр Ф. Л. де. Воспоминания // Северный Кавказ в европейской литературе XIII- XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 278).

Граф де Рошешуар, участник экспедиции в западные

«Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными».

Интерьяно Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. 1502 г.

«Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага, что означает благородный, конный воин. Действительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра. Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе».

Асколи Э. Д. де. Описание Черного моря и Татари. 1634 г.

районы Черкесии в 1807 г., вспоминал о сражении, которое произошло между Анапой и Суджук-Кале: «Полчища всадников в железных бронях вынеслись из непроходимых лесов: пешему европейцу не удалось бы пробраться сквозь эти чащи без помощи топора. В одну минуту нас окружило шесть тысяч всадников, вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками, стрелявшими острокопечными стрелами, причинявшими тяжелые поражения. Нас ждала гибель: если бы генерал заранее не построил войска в каре, при нападении столь яростном и внезапном, ни одному из нас не удалось бы спастись». (Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I // Кавказская война: истоки и начало. СПб.: Издат-во журнала «Звезда», 2002. С. 343 – 344).

«Улица Сент-Оноре, – приводит А. Валлоттон воспоминания очевидца оккупации Парижа союзной армией в 1813 г., – выглядела совершенно необычно: по ней одновременно прогуливались немцы, русские, азиаты, прибывшие от Великой Китайской стены, с берегов Каспийского или Черного моря. Это были казаки в одежде из овчины с длинными пиками, рыжими пышными бородами и перекинутыми через шею маленькими хлыстами, называемыми кнут; калмыки и другие татарские племена с плоскими носами, маленькими глазами и бурым цветом лица; башкиры и тунгусы из Сибири, вооруженные луками и стрелами; черкесские вожди, рожденные у подножия Кавказа, с головы до ног в блестящих стальных кольчугах и острокопечных шлемах, точь-в-точь таких, что носили в Англии в XII и XIII

веках». (Валлоттон А. Александр I. М., 1991. С. 229).

Сэр Вильям Аллан, выдающийся исторический живописец, являлся еще и собирателем черкесских доспехов и оружия, которые экспонировались вместе с его картинами в Лондоне и Эдинбурге после 1814 г.

«Каждый отряд состоит из панцырников, простой конницы и пехоты, – описывал черкесское войско Семен Броневский в 1823 г., – князья и уздени, одетые в панцыри, с ближайшими их людьми составляют отборную конницу наездников». (Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. С. 122).

6-9 июня 1828 г. состоялся кавалерийский рейд черкесов под началом темиргоевского князя Джембулата Айтекова-Болотокова в занятию русскими войсками Кабарду. Как сообщил об этом царю Эмануэль: «В. И. В. всеподданнейше спешаю донести о вторжении в границы Кавказской области неприятельского ополчения, составленного из закубанских черкесов и беглых кабардинцев, в числе около 3-х тысяч человек». Тут же командующий еще раз подчеркивает: «ополчение сие, быв составлено из числа отборных наездников... При сем всеподданнейше пред В. И. В. осмеливаюсь свидетельствовать об отличной храбрости, оказанной всеми нашими войсками, бывшими в сем деле, против отборных толико в большом количестве горцев, бывших в панцях и сражавшихся с неимоверным усилием, нападая на артиллерию, каковых примеров прежде никогда не бывало». (Всеподданнейший

рапорт ген.-л. Эмануэля, от 10 июня 1828 г. Горячеводск // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 878-879). «Шествие Джембулата по русским пределам, – живописал историк Кавказской войны В. Потто, – сопровождалось даже некоторой торжественностью. Двухтысячная конница представляла незаурядное явление: почти половина ее состояла из представителей знатнейших закубанских фамилий, рыцарские доспехи которых – дорогие шлемы, кольчуги и налокотники – горели и сверкали под лучами июньского солнца». (Потто В. Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1998. С. 296).

В 1839 г. Джеймс Камерон стал свидетелем коллективного турнира между черкесами и татарами в Тифлисе:

«Турнир был великолепен, сверх всяких похвал, и включал, среди прочих поединков, блистательную дуэль между двенадцатью татарскими ханами и беками в позолоченных пластинчатых доспехах на черных конях, с одной стороны, и равным числом черкесских князей и предводителей в ослепительных изысканных кольчугах на белых боевых конях, с другой стороны. После жестокой схватки победу провозгласили для последних – шестеро из их числа до конца удержались в своих седлах, в то время как все татары до последнего человека были сбиты с коней и повержены; несколько из них, а также два или три черкеса были сильно ранены в ходе поединка». (Cameron J.P. Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia, and Russia. Vol. I. L., 1845. P. 113).

Исследователи западноевропейского происхождения неизменно подчеркивали, что

социальный строй Черкесии близок германскому феодализму.

Так, П.-С. Паллас писал: «Это род рыцарей, которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссии и Лифляндию». (Паллас П.-С. Заметки о путешествиях в южные наместничества российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. С.216).

Цитировавшийся выше де Рошешуар оставил характерный отзыв о социокультурном облике Черкесии. Целью экспедиции, направленной Ришелье, было преподнесение «жестокого урока маленьким независимым князьям, чьи воинственные нравы и обычаи напоминают наших феодалов тринадцатого и четырнадцатого века». (Кавказская война: истоки... С. 530).

Густав Эверс, видный российский историограф первой четверти XIX в.: «Черкесские мамлюки принесли в Египет феодализм германского типа». (Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. / Пер. с нем. М., 1825. Кн. 1. С. 81).

Фредерик Дюбуа де Монперэ: «Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии». (Монперэ Ф. Д. де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым. // АБКИЕА. С. 437).

Карл Кох в 1844 г.: «В их обычаях так много рыцарского и прекрасного, что это трудно себе представить. О рыцарском духе, воодушевляющем их, я уже имел возможность говорить, а также о том, как он напоминает то время, когда у нас в Европе, а больше всего на юге Франции, царили храбрость и мужество; что касается состояния музыки у черкесов, то оно в еще большей степени позволяет сделать подобное сравнение». (Кох К. Путешествие по Рос-

ЦЕННЫЙ ТРУД ОБ ОРУЖИИ КАВКАЗА

Полный черкесский доспех, середина XVII в. См.: Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа... Иллюстрации между страницами 72 и 73.

сии и в кавказские земли // АБКИЕА. С.604).

Первый же взгляд на черкесов, облаченных в «норманнский» доспех, побуждал ученого аристократа с Запада, к поискам древних этногенетических связей между этносами Западной Европы и Кавказа: «Ясно, что черкесы не первоначальное племя. – Воскликает барон Август фон Гакстгаузен в 1855 г. – Удивительная легкость лошадей, необыкновенное проворство всадников, рыцарское вооружение и одежда, представляли оригинальное и прекрасное зрелище... Жители неоспоримо красивейшие из всего света и, в самом деле, не без основания славятся европейские народы своим происхождением от кавказского племени... Эта страна имеет такой богатый запас материалов, что дальнейшее исследования их могут бросить ясный свет даже на некоторые страны Европы». (Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечатления и воспоминания барона Августа фон Гакстгаузена. СПб., 1857. С. II. VI, 3).

Граф В. Соллогуб в 1856 г.: «Черкесы, первые аристократы в мире; тип их удивительный». (Соллогуб В. Кавказ в Восточном вопросе // Кавказ. Тифлис, 1856. №. 4. (12 января). С. 15).

А. Марлинский, участвовавший в экспедициях против черкесов, высоко оценивал боевые качества черкесской кавалерии: «В инструкции полковни-

кам «О кареях против турецкой кавалерии», данной стариком Каменским, между прочими, чрезвычайно дельными замечаниями, сказано: «Пехота, которая вышлет стрелков далее восьмидесяти шагов от фронта, может исключить их из списков». Почти то же можно сказать в рассуждении всадников, выезжающих далее восьмидесяти шагов за цепь в сторону, в войне с черкесами». (Марлинский А. Кавказские очерки // Библиотека для чтения. Т. 15. СПб., 1836. Отд. I. С. 269).

Черкесский доспех занимает значительную часть исследования К. Ривкина и О. Пинчо:

«Все кавказские кольчуги изготавливались из вытянутой проволоки (штампованные из листа кольца не использовались), намотанной вокруг палки и затем нарезанной на отдельные кольца.

Черкесские кольчуги (и режы – грузинские) представляют собой так называемые «панцири». В них специальным инструментом на одной стороне разомкнутого кольца создавался шиловидный выступ, на другом – прорезывалась дырка. Затем шип продевался в дырку, загибался с другой стороны, и вся структура сваривалась кузнечным способом (Рис. 30). Кольчуга одевалась выпуклыми шипами наружу, и таким образом не повреждала надетую под доспехи одежду. Сваренные черкесские кольца отличаются чрезвычайной прочностью, разрыв редко происходит по линии сварки. Панцирные кольца также делались плоскими на одной стороне и с небольшим ребром на другой, т. е. имели треугольное или ромбическое сечение, что считалось несколько более эффективным против рубящего удара, чем кольца круглого сечения. Панцирь всегда имел одинарное плетение, когда кольца крепились по схеме «одно к четырем». Вес черкесских панцирей варьируется в пределах 3,5-5 килограмм.

Такие кольчуги практически идентичны европейским панцирям (Гордеев, 1954). У них такой же вес, число и размер колец, тип крепления колец, за исключением того, что в Европе обычно не производилась качественная горячая сварка, а кольца держались только за

счёт загнутого шипа. На Ближнем Востоке панцири не производились. Защитные свойства вновь изготовленной кольчуги могли испытывать выстрелом из пистолета (Klaroth, 1834).

В Дагестане панцирное плетение кольчуги не применялось, взамен использовалась (как нередко и в Грузии) персидская (вернее, общевосточная – Рис. 30) технология – кольца из проволоки круглого сечения скреплялись на заклепку путем пробивания двух отверстий в противоположных концах кольца, затем через них продевалась заклепка. Каждое кольцо присоединялось к 4 или 6 другим. Вес такой кольчуги превосходил вес панцирей и достигал 8-12 килограмм.

Мы не можем согласиться с категорическим заявлением, что обычная кольчуга защищала хуже, чем панцирь. Панцири в Европе изготавливали потому, что они были намного дешевле, изготавливались быстрее и лучше носились вместе с одеждой. Однако в черкесском случае горячая сварка резко увеличивала прочность кольчуги за счет не менее резкого увеличения стоимости. С другой стороны, в восточной кольчуге, несмотря на менее прочное соединение колец, сами кольца были намного толще и за счет этого сами по себе – прочнее».

(Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа... С. 84).

Наиболее качественные панцири, по всей видимости, могли выдерживать ружейные и пистолетные выстрелы. Ривкин и Пинчо, в этой связи, приводят наблюдение Клапрота, побывавшего в Черкесии (Кабарде) в 1808 г.

В этом же плане интерес представляет отрывок из мемуаров поручика Симановского, который в районе Вулана (Чепсина) и Пшата в Натухае в 1837 г. наблюдал превосходно экипированных и облаченных в панцири противников.

«При занятии аула несколько конных черкесов были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькой рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собой, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские или абазехи, которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть». (Грозова И. Дневник офицера // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С. 377-427).

Вполне вероятно, что часть выстрелов достигла цели, но не причинила ущерба. В противном случае, какая необходимость была придумывать заряд из иголок для поражения всадника в панцире?

А. Марлинский, участник той же экспедиции, что и Симановский, вспоминал: «Фуражировка была очень удачна; мимоходом спалили три аула; раза два был в жаркой схватке. Застрелил одного шапсуга из пистолета: он кинулся на меня с пашкой, но заряд иголок вместо пули прошел кольчугу и самого чуть не насквозь. Спасибо за эту выдумку кабардинскому абреку, Адли-Гирею. «Надо бить зверя не портя шкурки», говорил он: чертовская расчетливость!». (Марлинский А. Кавказские очерки... С. 247-248). Этот Адиль-Гирей, по всей видимости, являлся сыном Мурзабека Хамурзина, одного из лидеров хаджретской общины кабардинцев.

Средневековые источники подтверждают наблюдения Ривкина и Пинчо о Черкесии, как о значительном центре производства оружия и доспехов.

В 1595 г. сефевидский шах Аббас демонстрировал свою коллекцию русскому послу князю Андрею Звенигородскому и при этом заметил: «А говорил шах: шелома и шапки и зеркала делают в нашем государстве; а булат хорошей красной выходит в наше государство из Индейского государства; а пансыри добрые выходят к нам из Черкас. И пожаловал шах князю Ондрею зеркало и отпустил шах на подворье». (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. Т. I: Царствование Федора Ивановича. СПб., 1890. С. 271).

Е. Н. Кушева выявила в «Кабардинских делах» ЦГАДА сообщение о том, что в 1615 г. Мудар Алкасов, старший князь в Джилыхстановой ветви князей, повез шаху Аббасу в дар 5 иноходцев и «пансыри». (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Рос-

сией. Вторая половина XVI – XVII века. М., 1963. С. 103).

В период возвышения князей Черкасских в Москве черкесские доспехи, оружие, кони были по достоинству оценены русской элитой.

В 1645 г., по случаю коронации второго царя из династии Романовых – Алексея Михайловича – черкесские князья привозят ему в дар «шесть плащей пансырных». (Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 129).

Н. В. Гордеев, изучавший эти черкесские доспехи середины XVII в., отмечает:

«В собрании Государственной Оружейной палаты находятся пять панцирей, записанных в описи 1687 г. под названием черкасских. Черкасские панцири отличаются первоклассной техникой плетения и крепления колец. Они собраны из тонких круглых колец, имеющих почти одинаковый размер по всему панцирю и скрепленных на односторонний шип...

Для характеристики панцирей этого типа можно привести один панцирь, записанный в описи Государственной Оружейной палаты за № 4500. Кольца панциря железные, средней величины (диаметр – 11 мм), довольно тонкие (толщина проволоки – от 1 до 2 мм), расклепаны при помощи специального штампа по типу кольчужных колец, но скрепле-

Рис. 30. Кольчужные кольца. Сверху – черкесский панцирь (крепление на шип); посередине – сведенные кольца (Грузия, середина – вторая половина XIX в.); снизу – восточная кольчуга (крепление на гвоздь). См.: Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа... Иллюстрации между страницами 72 и 73.

ЧЕРКЕССКИЙ ДОСПЕХ

Перестрелка с горами передовой цепи Кабардинского полка при следовании отряда генерал-лейтенанта Вельяминова от Абина к перевалу Напо, в которой убит шапсугский наездник Тлекеч. Архив И. Наврузова. АРИГИ.

ны по панцирной технике, то есть на один шип, образующий головку на одной стороне кольца; другая сторона остается гладкой, на ней иногда ясно обозначается место укрепления шипа.

Черкасский панцирь представляет собой рубашку с ко-

на сварка металла, вследствие чего скрепленные концы кольца совершенно невозможно разъединить».

(Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех. Государственная Оружейная палата московского Кремля. М., 1954. С. 87).

(Аствацатурян Э. Оружие народов Кавказа. М., Нальчик, 1995. С. 54).

«Таким образом, — отмечает Эмма Аствацатурян, — черкесские панцири, как и шлемы, не только производились на внутренний рынок, но и вывозились и вызвали одобрение таких искушенных обладателей прекрасного и в боевом, и в художественном отношении оружия, как шах Аббас, да и представители русского господствующего слоя не жалели денег на дорогое оружие». (Аствацатурян Э. Оружие... С. 53).

Эти слова признанного знатока темы, каковым является Э. Аствацатурян, подтверждают анализ Ривкина и Пинчо.

К вопросу о появлении кольчужно-пластинчатого панциря.

М. В. Горелик в своей статье, посвященной монголо-татарскому оборонительному вооружению второй половины XIV — начала XV в., написанной им для сборника «Куликовская битва», изданному вскоре после 600-летнего юбилея этого знаменательного исторического события, отмечает:

«Наиболее высокими свойствами, а также легкостью и удобством обладал панцирь, в котором в кольчужное плетение включались металлические, стальные пластинки. Разновидности его, называемые «бахтерец», «бехтерец» (от перс. «бехтер») и «юшман» (от перс. «джавшан») ценились крайне высоко и были широко распространены на мусульманском Востоке и в России в XVI — XVII вв. Зарубежные оружейеды фиксируют его появление в мамлюкско-черкесском государстве в XV в. (Mayer L. A. Saracenic arms and armour // Ars Islamica. Vol. X. 1943. P. 5-6; Robinson H. R. Oriental armour. P. 77).

А. Ф. Медведев и А. Н. Кирпичников намекают на более раннее (чем XIII — XIV вв.) появление этого панциря на Руси, основываясь только на том, что на некоторых пластинах из Новгорода этого времени имеются отверстия со всех сторон. (Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. 1959. № 2. С. 130; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII — XV вв. Л., 1976. С. 38). Но не говоря о том, что отдельные пластины с отверстиями по периметру, единичные из которых были прямоугольной формы, нашивались, скорее всего, просто на мягкую основу, подавляющее же большинство их, сложной формы, явно относится к набору фигурной пластинчатой оторочки рукавной проймы и целиком пришивалось к кожаным или матерчатым фестомам.

Наиболее раннее изображение кольчужно-пластинчатого панциря можно встретить на тебризской миниатюре 1370-

1380 гг. (Табл. I,3; табл. VII,4,5) и на багдадской миниатюре конца XIV в.

Огромный интерес для нашей темы представляют остатки доспеха, найденные Н. Веселовским в 1903 г. в кургане у станицы Усть-Лабинская Кубанской области. (Табл. I,4. ГИМ. Оп. 341. № 10-16). От него сохранились проржавевшие обломки пластин, а иногда и целые блоки из нескольких обломков или целых пластин прямоугольной формы размером 7 на 4 см, соединенных кольцами кольчуги (последние сохранились и в отверстиях, и на поверхности в виде отдельных обломков). По стремени, найденному в этом погребении, имеющему восточноевропейские аналогии в XII — XIII вв., а центральноазиатские — в XIII — XV вв., доспех можно датировать не позднее второй половины XIV — начала XV в.

Таким образом, Усть-Лабинская находка представляет самый старый образец из известных кольчато-пластинчатых панцирей. Совершенно не обязательно, чтобы он был изготовлен на месте, в Прикубанье, на территории Золотой Орды, — возможно, он был привезен с Ближнего Востока.

Показательно, однако, что именно в Золотой Орде фиксируется одно из самых ранних бытований новинки поистине мирового значения, которой впоследствии суждено было изменить весь облик доспеха центральной и восточной частей Евразии.

(Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издво Московского университета, 1983. С. 247).

Заметим тут же, что Золотая Орда, конечно же, в той или иной степени контролировала район Усть-Лабы, как и большую часть Черкесии, но для понимания происхождения и атрибуции памятника важно отдавать себе отчет в том, что этот район был частью Черкесии и, соответственно, в выводе автора следует помянуть Золотая Орда на Черкесии.

Тем более важное замечание, что сам автор склонен к мысли о том, что доспех привезен с Ближнего Востока, то есть с территории того самого мамлюкско-черкесского государства, о котором он пишет.

Но вернемся к кольчато-пластинчатому доспеху, вероятно, изобретенному черкесами в XIV в.

В этом плане весьма интересным и показательным является опыт осмысления черкесского вклада в эволюцию доспеха самого Горелика, который, как мы убедились, в 1983 г. мог употреблять такие термины как мамлюкско-черкесское государство и такое географическое название как Усть-Лаба, но при этом не сформулировать представления о неслучайности связей в этой сфере между черкесским «дистриктом» Золотой Орды и черкесским государством в Египте.

В 2008 г. мы уже наблюдаем качественно новый подход уважаемого специалиста к черкесскому компоненту его штудий. Сама статья называется «Черкесские воины Золотой Орды» и, таким образом, черкесы предстают в многоликую Орду со своим лицом и именем. Важно, что археологический материал подкрепляет данные письменных источников и позволяет исследователю вычленивать элементы черкесского

роткими, выше локтя, рукавами, с квадратным разрезным воротом. В данном панцире к квадратному вороту прикреплен воротник, состоящий из 13 рядов тонких колец диаметром 10 мм.

По приблизительному подсчету в панцире насчитывается более 25 000 колец.

Как видно из прилагаемой таблицы, все имеющиеся в нашем собрании черкасские панцири близки между собой как по размерам, так и по весу. Наибольший вес падает на панцирь № 4500-4920 г, что можно отнести за счет несколько большей массивности колец этого панциря.

В описи Государственной Оружейной палаты 1889 года указано, что все черкасские панцири «креплены в узел». При внимательном исследовании крепления было точно установлено, что все кольца клепаны на шип в горячем состоянии, так как в месте склепки вид-

Э. Г. Аствацатурян, ведущий специалист в истории кавказского оружия, хранитель фонда Восточного оружия Государственного Исторического музея, также обращается к коллекции черкесских панцирей из Оружейной палаты:

«Черкесские панцири представляют собой рубашки с короткими выше локтей прямыми рукавами, с круглыми разрезными воротами. Два из них имеют разрезные подолы. По описи 1687 г. у одного панциря у ворота была медная застежка, впоследствии утраченная. У этого же панциря, по той же описи, на груди располагались «две больших и две малых мишени (пластинки. — Э. А.) с подрезкою, на спине две таких же мишени... медных посеребренных».

Вообще же при описи 1687 г. было «у трех панцирей по шти (шести) мишени медные, посеребренные, а у двух по три мишени».

Черкесский (бжедугский) хануко Девлет-Гирей. Благотворительный театрализованный вечер, Екатеринодар, 1908 г. См.: Альбом в память о черкесском вечере, устроенном первый раз в г. Екатеринодаре 18 января 1908 г. НМРА.

ЧЕРКЕССКИЙ ДОСПЕХ

воинского комплекса.

Приведем наиболее важные для нас выдержки из последней работы Горелика:

«Рассмотрим защитное вооружение черкесских воинов Золотой Орды. Вообще, Прикубанье исключительно богато находками оборонительно-вооружения золотоордынского периода... Судя по обилию находок, можно полагать, что защитное вооружение было доступно достаточно широкому слою профессиональных воинов, каковыми были княжеские дружинники. Но интересно, что самые богатые – в смысле наличия драгоценных предметов – захоронения, содержащие такое ценное оружие, как сабли, обычно лишены предметов защитного вооружения. Похоже, погребальные обычаи требовали его положения в могилы дружинников – уорков (узденей), но не лиц ранга владетельного князя (пши) или феодала более низкого ранга (теоктлеш).

В качестве панцирей черкесские воины использовали в подавляющем большинстве кольчугу. Кольчуга использовалась на Северном Кавказе еще с эпохи античности, но широкое распространение получила в хазарскую эпоху в VIII – X вв., когда ее носили и самостоятельно, и поддетой под пластинчатый-ламеллярный панцирь. С XI в. пластинчатый панцирь выходит из употребления в Прикубанье и в Центральном Предкавказье. Монголы должны бы вернуть сюда пластинчатый панцирь – его ламеллярную разновидность, господствовавшую в Центральной и Восточной Азии еще с древности...

Вообще, кольчуга как броня серьезно уступает в эффективности ламеллярной броне. Но кольчуга непревзойденно удобна – ввиду относительной легкости и абсолютной подвижности структуры. Видимо, это ее свойство особо ценилось черкесами и их соседями: они ведь были не столько строевыми солдатами, сколько индивидуальными бойцами, использовавшими более высокое личное мастерство, нежели преимущества дисциплинированного строя воинской массы. Противоречие между кольчугой и пластинчатым панцирем было решено путем вплетения в кольчужную ткань стальных пластинок.

Самые ранние памятники нового, гениального изобретения, которому будет суждена долгая – до XVIII в. – жизнь, были найдены на территории Золотой Орды, и один из пунктов находки – погребение у с. Праздничное в Прикубанье. Датируются золотоордынские находки кольчато-пластинчатого панциря не позднее середины XIV в. Пока трудно определить, где он появился раньше – Прикубанье или в Башкирии, где известна еще одна его находка.

Так что не исключено, что кольчато-пластинчатый доспех, разновидности которого с XV в. известны как джавшан (русск. юшман) и бехтер (русск. бехтерец), был изобретен в Черкесии после середины XIV в.»

(Горелик М. В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 169 – 170).

Приведем выдержки из статьи Л. А. Майера «Сарацинское оружие и доспех», на которую ссылается М. В. Горелик в работе 1983 г.:

«Тот факт, что доспехи передавались и оставались в употреблении на протяжении поколений, объясняет, во многом, устойчивость типов. Так, например, оружие и доспехи, принадлежавшие умершим мамлюкам, на следующий год были распределены среди *хассакийа* (*khassakiya*) султана. (Ibn Iyas. *Bada'i' Al-Zuhur Fi Waka'i' al-Duhur*, ed. P. Kahle, Muhammad Mustafa, and M. Sobernheim. Istanbul, 1931. IV. P. 359–60). (Хассакийа – султанские мамлюки. – Прим. С. X.)

Это, в свою очередь, затрудняет датировку сарацинских или мамлюкских кольчуг; изменения были слабыми и незначительными, и единственным ориентиром является надпись или краткое посвящение и герб, которые позволяют установить в общих чертах развитие фасонов доспеха.

В любом собрании мамлюков Черкесского периода можно было увидеть простые кольчуги, кольчуги, усиленные тонкими пластинками, пластинчатый доспех и панцирный доспех... Часть позднечеркесских кольчужных плащей имеют воротники.

Связующие звенья этих и более ранних кольчуг имеют на себе отгиск орнамента, формы которого достаточно разнообразны: геометрический орнамент, штрихов из линий, канавок, точек, или текстов из священного писания. (Stocklein H. *Arms and Armour // Survey of Persian Art. L., N-Y., 1939. Vol. III. P. 25–60*)... Кольчужные плащи были усилены прямоугольными параллельными пластинами (*djawshan*), известными на протяжении длительного периода, но начиная с периода ранних мамлюков подобный тип кольчуги встречается чаще и несколько позднее, при Черкесах, они использовались почти исключительно для дорогих доспехов высших эмиров. (Ibn Tagribirdi. *Al-Nujum al-Zahira*, ed. W. Popper. Berkeley, 1929. Vol. I. P. 256; Ibn Iyas. Vol. IV. P. 413).

К ним принадлежит второй по великолепию кольчужный плащ сарацинской эпохи, принадлежащий в настоящее время М. Жоржу Паульхаку из Парижа. (Эта кольчуга первоначально была в коллекции барона Видала де Леви и

была приобретена М. Паульхаком в 1902 г. Пластина из которых состоит доспех: 25 см в высоту и 135 мм в ширину). Несмотря на то, что имя эмира, которому принадлежала эта кольчуга, вряд ли возможно установить, но технические параметры кольчуги позволяют датировать ее третьей четвертью XV века. Кольчужный плащ Каитбая, который очень похож на этот доспех, был изготовлен несколько позднее. (Abd al-Rahman Zaky. *Ba'd Kita al-Asliha al-Islamiya fi Istanbul // Al-Mukataf. 1940, April*).

Сведения по второму типу доспеха, а именно по пластинчатому доспеху, в средневековой арабской литературе отсутствуют. Тем не менее, сарацины были знакомы с этим видом доспеха и пользовались им, о чем свидетельствуют два совершенно отличных источника. Первый показывает, что их непосредственные соседи, мезоазиатские турки, носили этот доспех, как это свидетельствует рельеф в Чинили Кошк в Стамбуле. (Kuhnel E. *Die Sammlung turkischer und islamischer Kunst im Tschinili Kosch. Berlin, 1938. P. 16 and Pl. 6; Mendel G. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines. Constantinople, 1914. Pt. II. No. 792*).

Второе свидетельство представлено витражным окном в церкви Святого Дзниса, в Париже, на котором помимо рисунков XVIII в. представлено раннее изображение сражения между сарацинами и христианами рыцарями. (Montfaucon V. de. *Les Monuments de la monarchie Francoise. Paris, 1729. Vol. I. P. 384, 390, 396*).

В обоих случаях доспех почти идентичен и может быть расценен как пластинчатый доспех в точном смысле этого понятия или менее качественное изделие в виде кожаной куртки с нашитыми на нее большими металлическими пластинами. Последняя разновидность пластинчатого доспеха была распространена среди центральноазиатских турок и монголов. (Thordeman B. *The Asiatic Splint Armour in Europe // Acta Archaeologica. T. IV, 1933. P. 139, 143*).

На протяжении мамлюкского периода пластинчатый доспех вошел в моду и был уже хорошо известен в Европе. (Kelly F.M. and Schwabe R. *A Short History of Costume and Armour, 1066–1800. N.-Y., L., 1931. P. 62*).

(Mayer L. A. *Saracenic Arms and Armour // Ars Islamica. Vol. X. University of Michigan Press, 1943. P. 1 – 12*).

Черкесские оружейники для русского царя.

В июле 1589 г. один за другим последовали сразу три царских обращения к кабардинским князьям о выделении отрядов для войны со Швецией. Эти три документа являются превосходной иллюстрацией тезиса о взаимной заинтересованности в военно-политическом союзе. Казалось бы, если

речь шла о распоряжении своим подданным выступить на войну, то достаточно было бы одной грамоты астраханскому воеводе Троекурову. Но царь персонально обращается к своим вассалам и, на самом деле, просит их выделить 50 и 150 панцирников соответственно.

Своих самых надежных вассалов – Камбулата и Мамстрюка – 50 всадников. А более, чем сомнительного, вассала – Шолоха, не бывавшего при дворе и лично не присягнувшего (он ограничился направлением двух уорков в Москву – Бикана и Лана), но, по всей видимости, обладавшего большим числом уорков – 150 всадников.

Во всех трех документах царь не настаивает на личном участии тех лиц, к которым обращается. Он робко предлагает, чтобы отряды были возглавлены их детьми или племянниками. В награду царь обещает самое щедрое жалование и немецких пленников. Документы очень красноречивы. В них интересно буквально все: например, намерение сопровождать кабардинцев от Астрахани отрядом аж в 20 казаков с пищальями, «чтоб им от воров от казаков проехать здорово до наших украин». (Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 60 – 62).

В чем смысл этих обращений? Ясно, что этия русско-го царя не могла состоять из одной-двух тысяч солдат, в составе которых 200 кабардинцев были бы заметным соединением. Тем паче, что их, как на военный парад или на какое-то подобие выставки, должны были еще сопровождать вооруженные огнестрельным оружием казаки. Истина где-то посередине.

Дело в том, что речь идет не просто о всадниках, а о всадниках в полном рыцарском облачении. Таковых было не так много и в самой Кабарде, где они образовывали элиту конного войска. В царском войске таких всадников не было, но они были у шведов, что, видимо, оказывало устрашающее впечатление и вынуждало царя выпрашивать у своих кабардинских вассалов хотя бы 200 панцирников.

Черкесские рыцари в изысканных кольчужных доспехах врезались в ряды шведской пехоты и довершали дело длинными джатэ. Один-два показательных успеха могли быть очень полезны для хода всей кампании.

Согласно Б. Барановскому, поляки особенно удачно использовали черкесских панцирников именно против шведов. (Барановский Б. *Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 259*).

Черкесские панцирники представлены в игре «Empire: Total War™ Elite Units of the East». (<http://www.gamergate.com/DLC-ETWEUE/empire-total-war-elite-units-of-the-east>). В аннотации сказано: «Средне-

вековая конница в кольчугах может выглядеть безнадежно устаревшей, но глуп тот враг, который недооценивает этих людей».

В литературе часто цитируемым источником является сообщение о вызове черкесских мастеров в изготвлении панцирей в Москву для обучения этому искусству местных специалистов. Здесь мы уже выходим на тему влияния черкесов на русскую оружейную традицию.

В июне 1660 г. последовала «память» из Оружейной палаты в приказ Казанского дворца о посылке в Астрахань трех выходцев из Литвы для обучения у черкесских оружейников: «для учения булатных сабельных полос и для учения ж пансырного дела». (КРО. Т. I. С. 322). Помимо присланных «литовских» оружейников, царь распорядился подобрать учеников из уроженцев Астрахани, а черкесским мастерам «великого государя милосердой указ велено сказать, чтоб они тех ребят выучили своему доброму мастерству и открыли дела свои к учению явно и ни в чем бы от них в делах своих не скрывались».

После получения навыков и технологии изготовления черкесских сабель и панцирей русско-литовские специалисты должны были поступить в распоряжение Оружейного приказа в Москве. Важно, что наместником в Астрахани в это время находился князь Григорий Сунчалеевич Черкасский.

В июле последовала вторая «память» из Оружейной палаты, согласно которой к первой группе обучающихся присоединили еще двух «иноземцов», также, вероятно, из Литвы. (Там же. С. 323).

Через год, в августе 1661 г., согласно грамоте из Оружейной палаты, Алексей Михайлович повелел Г. С. Черкасскому «прислать к нам, великому государю, к Москве черкас пансырного дела сварщиков самых же добрых мастеров... А как они, мастера, по нашему, великого государя, указу будут на Москве и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуйем, велим им учинить свое государево годовое денежное полное жалование и корм большой». (Там же. С. 324).

Документ за апрель 1662 г. представляет нам двух черкесских «пансырного дела» мастеров, работавших в Астрахани – Калюбата и Баду. (Там же. С. 327). Калюбат – очевидно, Къалэубат, типичное адыгское имя, переводимое как «Разрушитель города». Баду – также адыгское имя Быдэ «Крепкий». Оно используется как компонент в других адыгских именах – например, Псэбыдэ «Крепкая/стойкая душа».

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.